

Прїѣздъ въ Москву восточныхъ патриарховъ и соборное осужденіе Никона.

(*Окончаніе*).

5-го декабря въ государевой столовой избѣ, въ присутствіи царя, патриарховъ, всего освященнаго собора и царскаго синклита открылось соборное засѣданіе, на которое были позваны и Никонъ. Когда онъ пришелъ съ преднесеніемъ креста, александрійскій патриархъ Паисій, обратившись къ собору, говорилъ, что они, вселенскія патриархи, пришли въ Москву по грамотѣ государя, такъ какъ Никонъ оставилъ свой патриаршій престолъ съ клятвою и потому, обратившись къ Никону, говорилъ ему, что онъ оставилъ свой патриаршій престолъ съ клятвою и оставилъ его безъ всякой законной причины. Никонъ на это заявилъ, что онъ отъ патриаршаго престола съ клятвою не отрекался, и что сейчасъ онъ вовсе не стремится опять занять патриаршій престолъ, а будетъ жить тамъ, гдѣ укажетъ государь. Патриархи говорили, обращаясь къ членамъ собора, чтобъ они сказали правду: отрицался-ли Никонъ отъ патриаршаго престола съ клятвою? Питиримъ митрополитъ новгородскій, Іоасафъ архіепископъ тверской, архимандриты и игумены, которые были тогда въ соборѣ и служили съ Никономъ, когда онъ публично отрекся отъ патриаршаго престола, единодушно заявили, что Никонъ отрекся отъ патриаршества съ клятвою, такъ какъ публично заявилъ: „аще вамъ буду патриархъ, анаѳема буду“. На это Никонъ опять сказалъ, что онъ не ищетъ вновь патриаршества и къ этому добавилъ: „а кто де по немъ будетъ патриархъ, тотъ де анаѳема будетъ, такъ де онъ и писалъ къ

великому государю, что бѣ безъ ево, Никонова, совѣту не поставитъ иного патріарха“.

Патріархи нашли, что фактъ своевольнаго и незаконнаго оставленія Никономъ патріаршества вполне установленъ и потому приступили къ подведенію этого факта подъ извѣстныя церковныя правила. Они велѣли ихъ читать сначала по-гречески, а потомъ по-русски. Когда прочли правило: „кто покинетъ престолъ волею безъ навѣта и тому впредь не быть на престолѣ“, Никонъ рѣзко заявилъ: „тѣ де правила не апостольскіе и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ соборовъ, онъ де, Никонъ, тѣхъ правилъ не пріемлетъ и не внимаеть“.—Павель митрополитъ крутицкій говорилъ: „тѣ де правила приняла святая апостольская церковь“.—Никонъ говорилъ: „тѣхъ де правилъ въ русской кормчей книгѣ нѣтъ, а греческіе де правила не прямые, тѣ де правила патріархи отъ себя учинили, а не изъ правилъ. Послѣ вселенскихъ соборовъ—все де враки, а печатали де тѣ правила еретики, а я де не отрекался престола, то де на него затѣяли“,—„И вселенскіе патріархи говорили, что ихъ святыя греческія правила прямые“. Съ своей стороны русскіе архіереи и другія соприкосновенныя лица рѣшительно заявили, что Никонъ отрекся отъ патріаршества съ клятвою. Послѣ этого Никонъ, очевидно находившійся въ крайне неспокойномъ состояніи, обращаясь къ государю, неожиданно заявилъ: „какъ де на Москвѣ учинился бунтъ, и ты де, царское величество, и самъ неправду свидѣтельствовалъ; а я де утрашася пошоль твоего государства гнѣва“. На это обвиненіе царь съ негодовавіемъ отвѣтилъ: „онъ, Никонъ, непристойныя рѣчи, безчестя его, великаго государя, говоритъ: бунтомъ никто не прихаживалъ, а что де приходили земскіе люди, и то де не на него, великаго государя,—приходили бить челомъ ему, государю, объ обидахъ“. Тогда и всѣ присутствовавшіе на соборѣ стали говорить Никону: „какъ онъ не утрашитца Бога. непристойныя слова говоритъ и великаго государя безчеститъ“. Послѣ этой сцены патріархи неожиданно заинтересовались узнать, почему Никонъ носитъ черный клобукъ съ херувимами и двѣ панагіи. Никонъ далъ объясненіе. Тогда антiохійскій патріархъ Макарій предложилъ Никону неожиданный вопросъ: „есть-ли ему вѣдомо, что александрійскій патріархъ судія вселенскій?“ На этотъ вопросъ Никонъ от-

вѣтилъ: „тамъ де и суди. А во Александріи де и во Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, а антioxійскій въ Дамаскѣ“. Когда на это патріархи отвѣтили Никону вопросомъ: когда патріархи учреждали московское патріаршество „и въ то время гдѣ вселенскіе патріархи жили?“ Никонъ съ своей стороны отвѣтилъ патріархамъ: „онъ Никонъ, въ то время не великъ былъ“.

Послѣ разныхъ отступленій патріархи опять воротились къ прерванному чтенію греческихъ правилъ и потребовали отъ Никона, „чтобъ онъ слушалъ правила святыя“. Но Никонъ снова рѣшительно заявилъ: „греческіе правила не прямые, печатали ихъ еретики“.—„И вселенскіе патріархи говорили, чтобъ онъ руку приложилъ, что ихъ книга правилная—еретическая и правила святыя—не прямые, и что въ той книгѣ—ереси, чтобъ имянно сказалъ“.—„И Никонъ патріархъ никакіе ереси въ тѣхъ правилахъ не указалъ и руки не приложилъ“.

Патріархи спрашивали Никона: „сколько епископа судятъ епископовъ и сколько патріарха?“ На это Никонъ отвѣтилъ: „епископа судятъ дванадесять епископовъ, а *патріарха—вся вселенная*“. Тогда патріархи заявили Никону, что, значить, онъ епископа Павла Коломенскаго „пзвергъ и ободралъ не по правиламъ“.

Съ своей стороны государь обратился къ Никону съ вопросомъ: „вѣритъ-ли онъ вселенскимъ всемъ патріархомъ, что они подписались руками своими (подъ отвѣтами на вопросы о власти царской и патріаршей), что вселенскіе патріархи—александрійскій и антioxійскій пришли по согласію (и двухъ другихъ патріарховъ) къ Москвѣ?“ Никонъ, посмотрѣвъ на подписи патріарховъ, замѣтилъ, „что онъ рукъ ихъ не знаетъ“. Тогда антioxійскій патріархъ заявилъ, что подписи патріарховъ подлинныя. На это Никонъ рѣзко отвѣтилъ патріарху; „широкъ де ты здѣсь, а какъ де отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ?“ На эту выходку Никона всѣ бывшіе на соборе архіереи и бояре стали говорить ему: „какъ онъ не утрашитца Бога, великаго государя, безчеститъ и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставитъ“. Тогда патріархи велѣли отобразить у Никона крестъ, который предъ нимъ носили, заявивъ, что де ни у какого патріарха не повелося посить впереди крестъ,—„то

де онъ взялъ у латынниковъ“. Затѣмъ государь просилъ вселенскихъ патріарховъ, чтобъ они допросили Никона „по Христовѣ заповѣди: за что онъ, Никонъ патріархъ, на него, государя, осердился, про околичаго Богдана Матвѣевича Хитрово, что ударилъ за безчинія челоуѣка дому его? И онъ, великій государь, нудилъ-ли его, Никона патріарха, чтобъ Богдана Матвѣевича простилъ?“— „И Никонъ патріархъ отвѣту не далъ, молчалъ“. Еще послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ патріархи наконецъ заявили Никону: „нынѣ тебя Никона, бывшаго патріарха, мы, святѣйшіе патріархи, по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ, извержемъ, и отсель не будеши патріархъ и священная не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ“. Послѣ этаго патріархи сказали Никону тѣ вины, за которыя они его низвергаютъ: а) отрекся отъ патріаршаго престола и сошелъ съ него безъ всякой законной причины,—„сердитуя на великаго государя“. б) Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію писалъ, что русскіе отпали отъ соединенія съ восточною православною церковію и приложились къ западному костелу и тѣмъ православную апостольскую церковь „обругалъ“ а великаго государя, освященный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ „обезчестилъ и назвалъ всѣхъ еретиками“. в) „Никонъ и ихъ, вселенскихъ истинныхъ православныхъ патріарховъ безчестилъ, называлъ не патріархами, и соборные святыя правила называлъ ложными и враками и будто еретики печатали“. г) Коломенскаго епископа Павла извергъ помимо собора, сослалъ его въ ссылку и мучилъ, такъ что тотъ пропалъ „безвѣстно“. Объявивъ эти вины Никону, патріархи велѣли ему идти на подворьѣ и быть тамъ до указу.

Мною выше отмѣчено, что царь, прежде открытія собора для суда надъ Никонѣмъ, тайно совѣщался съ восточными патріархами въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Теперь, когда судъ былъ оконченъ и Никона рѣшено было лишить всякаго священнаго сана, сдѣлавъ его только простымъ монахомъ Никонѣмъ, произошло 8 декабря новое тайное продолжительное совѣщаніе царя съ патріархами. На этомъ совѣщаніи конечно рѣшался прежде всего вопросъ: въ какомъ видѣ составить оффиціальное соборное постановленіе о низложеніи Никона, гдѣ и какъ произвести это низложеніе, а также рѣшались и нѣкоторые другіе вопросы, касавшіеся,

вѣроятно, самихъ патріарховъ, положеніе которыхъ въ Москвѣ становилось очень щекотливымъ, о чемъ подробно скажемъ ниже.

12-го декабря было окончательно составлено отъ лица двухъ восточныхъ патріарховъ и потомъ подписано всѣми присутствовавшими на соборѣ іерархами соборное официальное опредѣленіе о низложеніи Никона, въ которомъ говорилось, что такъ какъ Никонъ а) „досадилъ“ государю, „возьмате и прилепится къ вѣщамъ, не подобающимъ патріаршей власти и достоинству“; б) публично отрекся отъ патріаршества и самовольно оставилъ патріаршій престолъ и свою паству, а въ то же время у себя въ монастыряхъ продолжалъ дѣйствовать архіерейски; в) оставя самовольно патріаршество въ то же время всячески противился избранію новаго патріарха. г) анаематствовалъ безъ всякаго испытанія и разсужденія помѣстныхъ архіереевъ; д) глумяся: одного архіерея называлъ Анною, а другого Каіафою, одного изъ царскихъ бояръ Продомъ, а другаго Пилатомъ; е) на соборѣ осуждалъ самихъ патріарховъ, что они не имѣютъ своихъ древнихъ престоловъ, а одинъ изъ нихъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; ж) „наша сужденія патріаршеская наименова бласловіемъ и баснями“, такъ какъ патріархи для осужденія его, Никона, приводили не настоящія правила соборовъ, а правила изъ греческаго номоканона, который онъ „съ великимъ безстыдствомъ еретическое ясно наименова, занеже напечатася индѣ, яки бы въ западныхъ странахъ“; з) государя въ грамотѣ къ восточнымъ патріархамъ представилъ латино мудрствующимъ, мучителемъ, обидчикомъ, Іеровоомомъ и Озією; а также латинствующимъ представилъ весь царскій синклитъ и даже самую русскую церковь тоже латинствующею; и) единолично низвергъ одного архіерея, подвергъ его мученіямъ и заточенію, отъ чего тотъ и погибъ; і) отца своего духовнаго два года немилостиво билъ и истязалъ, отъ чего онъ впалъ въ разслабленіе, что они, патріархи, сами видѣли; к) разсматривая дѣятельность Никона въ общемъ, патріархи „познакомъ Никона, яко не жительствова архіерейски—тихо, но мучительски, и къ неправдамъ пригвожденъ, и въ хищеніихъ упражнися, и мучительствами содержащяся“. Въ виду всего этого, заявляютъ патріархи, „сотворихомъ его, Никона, непричастна всякому священно-

дѣйству, яко къ тому немощи ему архіерейскихъ дѣлъ творити, и истинно совершенно его извергохомъ со омофорами и епитрахиліями, совсѣмъ мѣстнымъ освященнымъ соборомъ, изрекше ему отнынѣ вмѣнитися и нарицатися простымъ монахомъ Никономъ, и не къ тому патріархомъ московскимъ“. Въ заключеніе патріархи находятъ нужнымъ завѣрять: „сія вся правильно совершихомъ, сотворше безъ всякаго лицепріятія и пристрастнаго осужденія, боящеся неумытнаго очеса Божія—имѣеть бо Богъ мстительное око—и будущихъ оныхъ судилищъ убоявшеся, отдающихъ тожде страданіе, и во умѣ и памяти обносяще въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчнаго огня страшилища, правъ и Богу судъ изнесохомъ и изрекохомъ“.

Того же 12-го декабря въ патріаршей крестовой палатѣ собрался соборъ подъ предсѣдательствомъ восточныхъ патріарховъ. Царь на соборѣ не былъ, а вмѣсто себя прислалъ на соборъ бояръ: Одоевскаго и Салтыкова, думнаго дворянина Прокофья Кузмича Елизарова и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Послали сказать Никону, чтобы онъ немедленно шелъ на соборъ. Онъ пришелъ и остановился предъ крестовой въ сѣняхъ, а въ самую палату не былъ приглашенъ. Патріархи надѣли на себя сакосы, то же велѣли сдѣлать всѣмъ архіереямъ и, выйдя изъ палаты, направились въ церковь, съ ними пошелъ туда и Никонъ. Пришедъ въ церковь, Никонъ, по обычаю, помолился иконамъ, въ поясѣ два раза поклонился патріархамъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей. По приказанію патріарховъ соборное рѣшеніе о Никонѣ сначала прочтено было по-гречески, а рязанскій архіепископъ Иларіонъ тоже прочелъ по-русски. Послѣ этого патріархи стали у царскихъ дверей и позвали къ себѣ Никона. Александрійскій патріархъ сказалъ Никону его вины, собственноручно снялъ съ него клобукъ и панагію, присемъ заявилъ ему, чтобы впредь онъ патріархомъ не именовался и не писался, а именовался бы и писался простымъ монахомъ Никономъ и жилъ бы въ монастырѣ тихо и немятежно, сокрушаясь предъ Богомъ о своихъ согрѣшеніяхъ. На все это Никонъ рѣзко отвѣтилъ патріархамъ: „знаю де я и безъ вашего поученія какъ жить, а что де клобукъ и панагію съ него сняли, и они бѣ съ клобука жемчугъ и панагію раздѣлили по себѣ, а достанетца де жемчугу золотниковъ по 5 и

по 6 и больши и золотыхъ по 10⁴.—„И поуча святѣйшіе патріархи Никона, бывшаго патріарха, отпустили на подворье“ ¹⁾).

Такъ патріархъ Никонъ, нѣкогда царившій и въ церкви и въ государствѣ, бывшій нѣсколько лѣтъ не по титулу только, но и по власти и положенію, дѣйствительнымъ великимъ государемъ, превратился теперь въ простаго, ссыльнаго монаха Никона. Причина такого глубокаго паденія Никона заключалась главнымъ образомъ въ немъ самомъ: въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ свойствахъ всего его умственнаго склада и пониманія, въ томъ особомъ отношеніи, въ какое онъ стремился поставить себя, какъ патріарха, къ представителю государственной власти—царю.

Никонъ по своему характеру не былъ натурой спокойной и уравновѣшенной, это былъ человѣкъ увлеченій, человѣкъ легко возбуждающійся и легко поддающійся внѣшнимъ перѣдко очень случайнымъ воздѣйствіямъ и впечатлѣніямъ, и потому дѣйствовавшій неровно, порывами, часто очень бурно, мало обдуманно и, по большей части, нетактично. При успѣхѣхъ онъ чрезвычайно возносился, на всѣхъ смотрѣлъ сверху внизъ, не зналъ предѣловъ своему самовластію, все подчинялъ своему личному усмотрѣнію и даже просто минутному настроенію и капризу; при неудачѣхъ онъ падалъ духомъ, дѣлался крайне раздражительнымъ, мелочнымъ, придирчивымъ и очень гнѣвливымъ, а потому быстрымъ на расправу, часто несправедливую и жестокою. Онъ то гордо ничего не хочетъ брать отъ царя—обидчика, высокоумно отвергаетъ всякую его помощь и подарки, то униженно выражаетъ скорбь, что онъ уже не присутствуетъ, какъ ранѣе, за царскимъ роскошнымъ столомъ и начиняетъ выпрашивать у царя разныя подачки; онъ то всячески бранить и позорить царя, то начинаетъ молить его, чтобы онъ возвратилъ ему, Никоцу, свою прежнюю любовь и довѣріе. Вообще, это была натура хотя и очень даровитая, но не глубокая, мало устойчивая и совсѣмъ не дисциплинированная, мало способ-

¹⁾ Большая часть документовъ, извлеченная изъ Главнаго Государственнаго Архива, относящихся до суда надъ Никомомъ, напечатана Гиббенетомъ, во второмъ томѣ его сочиненія: Истор. изслѣд. дѣла п. Никона.

ная на высокій нравственный подвигъ, на самоограниченіе, хотя бы ради высокой и святой цѣли, мало способная на борьбу въ интересахъ собственной личности, собственного личнаго положенія. Собственная личность у Никона всегда и всюду на первомъ планѣ, она—начало и конецъ всякой его дѣятельности, всѣхъ его стремленій и вождеденій.

Будучи архимандритомъ и новгородскимъ митрополитомъ Никонъ велъ себя очень сдержанно, дружилъ съ сильными и вліятельными при дворѣ ревнителями благочестія, каковы Стефанъ Вонифатьевичъ и Іоаннъ Нероновъ, и всячески старался понравиться молодому государю и производить на него, характеромъ своей дѣятельности, благопріятное и выгодное для себя впечатлѣніе. И онъ достигъ своей цѣли—сдѣлался патриархомъ и потомъ великимъ государемъ. Тогда у Никона совсѣмъ закружилась голова, а чрезмѣрная власть окончательнаго его ослѣпила и испортила: онъ вообразилъ себя дѣйствительнымъ, настоящимъ великимъ государемъ, возмнилъ, что не только въ церковной сферѣ онъ есть единственный, безконтрольный и самовластный властелинъ, но и вообразилъ себя полномочнымъ, законнымъ контролеромъ всей государственной и общественной жизни и дѣятельности, и потому стремился взять въ свои руки и бразды государственнаго управленія и притомъ такъ, что дѣйствительный и настоящій великій государь долженъ былъ нѣсколько потѣсниться предъ нимъ, а иногда и стоять ради него въ тѣни. Тогда-то и сказались всѣ отрицательныя и непривлекательныя стороны характера Никона: его чрезмѣрное честолюбіе, его до болѣзненности развившееся самолюбіе, не терпѣвшее ни малѣйшихъ уколовъ и даже простаго равнодушія и невниманія къ его личности со стороны самого царя, его суровый и подчасъ жестокій нравъ, его самолюбивое, надменное и чванливое, которыя онъ проявлялъ не только относительно подчиненныхъ ему архіереевъ и духовенства вообще, но и относительно знатнѣйшихъ и родовитыхъ московскихъ бояръ, близкихъ къ самому царю, его самоуправство и полное пренебреженіе къ общественному мнѣнію, къ тому всеобщему неудовольствію и подчасъ ожесточенію противъ него, которое все болѣе росло и развивалось относительно его въ различныхъ слояхъ тогдашняго общества.

Въ то же время по своему умственному развитію, по всему

складу и строю своей умственной жизни, по своему общему пониманію и воззрѣніямъ, Никонъ совсѣмъ существенно не отличался отъ тѣхъ, кого онъ такъ жестоко каралъ, какъ противниковъ своей реформаторской дѣятельности, какъ людей грубо-певѣжественныхъ.

Ранѣе патріаршества, Никонъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія и былъ другомъ Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ. Онъ раздѣлялъ всѣ убѣжденія и стремленія кружка и по всему строю и характеру своего міросозерцанія, по характеру и приемамъ своего мышленія, по пониманію сущности вѣры и благочестія, былъ всегда тѣмъ же, чѣмъ были Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе. Подобно имъ онъ считалъ себя не зауряднымъ обыкновеннымъ человекомъ, но человекомъ, находящимся подъ особымъ водительствомъ неба, получающимъ свыше особыя чрезвычайныя указанія, что и какъ ему слѣдуетъ дѣлать и поступать: онъ былъ, какъ и противники его реформы, и провидѣць, и цѣлитель, и чудотворецъ. Если Никонъ сдѣлался великимъ государемъ и въ служеніи носилъ на себѣ корону (митру), сдѣланную по подобію царскаго вѣнца, то на это ему было указаніе свыше, еще ранѣе его патріаршества. Въ письмѣ къ царю изъ Новгорода, Никонъ, тогда новгородскій митрополитъ пишетъ, что онъ однажды, находясь въ соборѣ, смотрѣлъ на Спасовъ образъ. „И вотъ внезапно я увидѣлъ вѣнецъ царскій золотой на воздухѣ надъ Спасовою главою; и мало по малу вѣнецъ этотъ сталъ приближаться ко мнѣ. Я отъ великаго страха точно обезпамятовалъ, глазами на вѣнецъ смотрю и свѣчу предъ Спасовымъ образомъ, какъ горитъ, вижу, а вѣнецъ пришелъ и сталъ на моей головѣ грѣшной; я обѣими руками его на своей головѣ осязалъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ“. Если Никонъ, казалось, безпричинно оставилъ свой патріаршій престолъ, то въ дѣйствительности было не такъ. На соборѣ 1666 года, во время суда надъ нимъ, Никонъ говорилъ государю: „Богъ де тебя судитъ, а я-де узналъ на избраніи своемъ, что тебѣ, государю, быть до меня добру до шти лѣтъ, а потомъ быть возненавидиму и мучиму“. Если Никонъ оставилъ патріаршій престолъ, то его не оставила однако ранѣе присущая ему благодатная сила исцѣлять разныхъ больныхъ. Въ маѣ 1659 года Никонъ говорилъ посланному къ нему въ Воскре-

сенскій монастырь дьяку Башмакову: „въ Воскресенскомъ де монастырѣ были два человекѣ одержимые черными недуги, и онъ де объ нихъ молился Господу Богу и говорилъ надъ ними молитвы, и помощію де Божіею отъ тѣхъ болѣзней они нынѣ свободились; а какъ де онъ былъ на патриаршествѣ, и въ то время помощію жъ Божіею, *а къ Богу его молитвами*, многіе отъ различныхъ своихъ болѣзней и недуговъ свободились“. Въ челобитной государю, въ декабрѣ 1661 года, по дѣлу Бобарыкина, Никонъ рассказываетъ, про бывшее ему видѣніе: какъ въ Успенскомъ соборѣ возстали изъ своихъ гробовъ похороненные тутъ ранѣ святители, какъ они устроили входъ въ алтарь, а съ ними и онъ, Никонъ (какъ дѣйствительный патриархъ), какъ возсталъ изъ гроба святитель Петръ митрополитъ и сталъ говорить, обращаясь къ Никону, чтобы онъ говорилъ царю о приобидѣніи имъ церкви, за что царь будетъ наказанъ и указалъ Никону на знаменіе, если царь его не послушаетъ: „собрася огнь во церкви, изыде на царскій дворъ и возгорѣся страшно зѣло“. Если Никонъ въ 1664 году пытался возвратиться опять на оставленный имъ патриаршій престолъ, то это онъ сдѣлалъ по особенному бывшему ему божественному указанію, когда по его неустанной молитвѣ явившіеся ему въ видѣніи московскіе великіе святители приказали ему опять возвратиться на свой патриаршій престолъ. Послѣ того какъ соборъ совѣмъ лишилъ Никона священнаго сана, ему, въ замѣпъ этого, данъ былъ Господомъ усиленный благодатный даръ лѣчить всякихъ больныхъ, о чемъ ему и сообщено было въ особомъ видѣніи. По этому поводу Никонъ заявлялъ: „было ему видѣніе: отнято-де у тебя патриаршество, и тебѣ-де за то дана чаша лекарственная: лечи болящихъ“. По тому же поводу Никонъ говорилъ: „являлся де ему, Никону, Христось часто въ церквѣ тѣмъ образомъ, какъ пишетца на иконѣ, и подаль ему благодать чаши лекарственной. И онъ-де, по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лекарства, исцѣлялъ. И отъ того-де ево лекарства Богъ отъ болѣзни многихъ людей избавлялъ“ ¹⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что тотъ элементъ

¹⁾ Ист. Рос. Соловьева, X, 175. Гиб. I, 172 II. 599, 739, 1022. Дѣло и Никона, стр. 348, 373.

сверхъестественнаго и чудеснаго, который такъ сильно проявлялся во всей жизни Аввакума, Неропова и другихъ противниковъ церковной реформы Никона ¹⁾, довольно замѣтно сказывался и въ жизни самого Никона, такъ что онъ, въ этомъ отношеніи, былъ вполнѣ тождественъ съ противниками своей реформы и ничѣмъ существенно отъ нихъ не отличался.

Подобно противникамъ его церковной реформы, Никонъ былъ очень благочестивъ: онъ самъ всегда неопустительно совершалъ всѣ церковныя положенныя службы, совершалъ ихъ истово, уставно, единогласно, ничего не опускалъ; читалъ на нихъ длинныя положенныя отеческія поученія, къ которымъ присоединялъ и свои собственныя толкованія и назиданія, отъ чего его служеніе было крайне продолжительно и утомительно для молящихся, но самъ онъ, при своей сильной натурѣ, выносилъ свои службы очень бодро, безъ замѣтнаго утомленія. Онъ предавался иногда самому суровому посту, вовсе не вкушая пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней, проводя цѣлые дни и ночи въ молитвѣ, не позволяя себѣ спать, надѣвая на себя къ тому же очень тяжелыя вериги, въ которыхъ клалъ постоянно множество земныхъ и поясныхъ поклоновъ. Во время этихъ суровыхъ аскетическихъ подвиговъ Никонъ не разъ, по его завѣреніямъ, удостоивался чрезвычайныхъ божественныхъ видѣній и откровеній, которыя ему говорили за угодность его жизни предъ Богомъ, подобно тому какъ его противники точно такимъ же путемъ и способомъ удостовѣрялись въ угодности своей жизни и въ угодности своей борьбы съ Никономъ предъ Богомъ. Вообще съ внѣшне-формальной стороны Никонъ, какъ и его церковные противники, былъ безукоризненъ въ своемъ благочестіи. Но, къ сожалѣнію, только съ внѣшне-формальной стороны, а не какъ ни со стороны внутренней, со стороны качественного, такъ сказать, благочестія,—съ послѣдней стороны оно было очень невысоко. Его уставное благочестіе, выражавшееся въ частыхъ продолжительныхъ службахъ, въ продолжительномъ воздержаніи отъ пищи, въ безсонныхъ ночахъ, проводимыхъ имъ въ чтеніи святыхъ книгъ и постоянныхъ поклонахъ, ни-

¹⁾ См. т. I моей книги.

сколько однако не дѣйствовало успокоивающимъ и смягчающимъ образомъ на его порывистую и суровую натуру, не дѣлало его кроткимъ и снисходительнымъ въ отношеніяхъ къ другимъ, не уничтожало его частой гнѣвливости и подчасъ крайней суровости къ подчиненнымъ, не удерживало его отъ несправедливыхъ и насильственныхъ дѣйствій. Значить, его уставное внѣшнее благочестіе такъ и было только внѣшнимъ, не проникая внутрь, не затрагивая свойствъ и качествъ его духа, даже видимо совѣмъ не мѣняя хотя бы и временно той или другой его внутренней настроенности. Въ этомъ отношеніи достаточно указать хотя бы на тотъ фактъ, что Никонъ во время своихъ церковныхъ службъ, въ самомъ алтарѣ, въ этомъ святая святыхъ христіанскаго храма, позволялъ себѣ не только ругать ему сослужащихъ, хотя бы это были и архіереи, но и пускалъ въ ходъ личную кулачную расправу съ провинившимся въ чемъ либо клириками.

По своему умственному складу, характеру и приѣмамъ своего мышленія, по своимъ знаніямъ, пониманію вѣроученія и всей церковности Никонъ былъ въ существѣ дѣла то же, что и противники его реформы: подобно имъ онъ смотрѣлъ на обрядъ какъ на догматъ, въ измѣненіи обряда видѣлъ измѣненіе самой вѣры. Это потому, что Никонъ въ дѣйствительности былъ такимъ же типичнымъ, одностороннимъ начетчникомъ, какъ и его противники. Выучившись у инока Макарьевского Желтоводскаго монастыря читать и писать, Никонъ, въ дальнѣйшемъ своемъ образованіи, шелъ обычнымъ тогдашнимъ путемъ: сталъ усердно читать разныя доступныя ему книги т. е. стремился расширить кругъ своихъ знаній путемъ начечества, безъ какой бы то ни было, хотя бы и самой элементарной школьной правильной подготовки. Онъ любилъ читать и читалъ много: читалъ книги священнаго писанія, которое, при его прекрасной памяти, зналъ хорошо; читалъ и хорошо зналъ всѣ тогдашнія церковно-богослужебныя книги, книги учительско-назидательнаго характера и особенно произведенія Іоанна Златоуста; хорошо онъ также зналъ церковныя правила и постановленія, поскольку они заключались въ тогдашней нашей Кормчей, по которой онъ ихъ изучалъ; конечно, онъ усердно читалъ разныя житія святыхъ и т. под. Но никакой науки въ собственномъ смыслѣ

Никонъ никогда не зналъ и потому не понималъ силы, значенія и необходимости для общественнаго дѣятеля научнаго образованія, а къ западной наукѣ относился такъ же какъ и его противники, т. е. враждебно и отрицательно. Когда Паисій Лигаридъ, въ одномъ случаѣ, сослался на свидѣтельство тогдашней физики. Никонъ, по этому поводу, съ негодованіемъ отвѣчаетъ ему: „не достало тебѣ святыхъ божественныхъ книгъ во отвѣтъ, которыми велѣли апостолы святіи и отцы святіи учить, и заповѣда (этими книгами) и отвѣты творити. Ты же физиками и орѣховымъ листьемъ и иными шпынскими прибавками отвѣты твориши“¹⁾.

Вполнѣ естественно было, что Никонъ о разныхъ предметахъ судилъ и рядилъ точно такъ же, какъ и бывшіе его друзья—первые поборники старообрядчества, что пониманіе имъ разныхъ явленій, приемы и характеръ его сужденій на столько у него были сходны съ его противниками—старообрядцами, что часто почти нѣтъ никакой возможности отличить разсужденія Никона отъ разсужденій противниковъ его реформы. Если защитники старообрядчества увѣряли, что благодаря реформамъ Никона русская церковь уклонилась отъ праваго пути и соединилась съ латинствомъ, то и Никонъ съ своей стороны заявлялъ, что ради его врага Паисія Лигарида русская церковь разорвала связь съ православными восточными патріархами и соединилась съ римскимъ костеломъ. Если сторонники старообрядчества говорили, что Никонъ вводитъ въ церковь свои новшества и всякія еретичества, собирая ихъ отъ разныхъ отреченныхъ и покидныхъ книгъ; то и Никонъ въ этомъ же самомъ обличаетъ Паисія Лигарида: „новые законы, пишетъ онъ, обращаясь къ Лигариду, вводишь отъ отверженныхъ и недовѣдомыхъ книгъ... ово отъ отреченныхъ книгъ, ово отъ внѣшнихъ баснословныхъ блуженій“. Если защитники старообрядчества считали Никона, за произведенную имъ церковную реформу, предтечею антихриста, его ученикомъ и послѣдователемъ, то и Никонъ всячески старается доказать, что Одоевскій, писавшій Уложеніе, есть предтеча антихриста, что онъ написалъ законы „совѣтомъ антихриста, учителя своего“ Если сторонники старообрядчества увѣряли, что на Руси уже

¹⁾ Рук. нашей академіи № 218. л. 133 об.

нѣтъ болѣе настоящей церкви и начинаются времена антихриста, то и Никонъ увѣрялъ, что послѣ его ухода съ патріаршества русская церковь превращена въ вертепъ, такъ какъ въ ней нѣтъ болѣе патріарха и что на Руси паствуютъ времена антихриста. Если защитники старины завѣряли, что еретикъ Никонъ не признаетъ Христа Богомъ, то и Никонъ увѣрялъ, что составитель Уложенія, Одоевскій, не признаетъ Христа Богомъ, а только простымъ человекомъ, увѣряетъ, что Одоевскій въ Уложеніи разорилъ „и священное Евангеліе и вся святыя законы“. Если защитники старины своихъ противниковъ не хотѣли признать христианами, а только мучителями, то и Никонъ, на слова Одоевского: „ты-де (Никонъ) насъ не христианы, жидами называешь“, отвѣчалъ: „азъ въ васъ христианства ничего не знаю, ни вижу, кромѣ беззаконія и мучительства,—дѣла ваши свидѣлствуютъ“. Если, по увѣренію защитниковъ старины, страшный моръ, разразившійся надъ московскою Русью, былъ очевиднымъ проявленіемъ гнѣва Божія за церковныя новшества Никона, то и Никонъ, съ своей стороны, въ этомъ тяжкомъ всенародномъ бѣдствіи видитъ то же проявленіе гнѣва Божія, но только за написаніе Уложенія. Поэтому случаю онъ восклицаетъ: „не быша ли морове велицы во царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ лютою язвою и неисцѣленною? Невозбоялося ли сердце царево, егда мору бывшу, царицѣ же на Москвѣ со царевичемъ Алексѣемъ и со царевнами и не вѣдѣ, что сотворити и камо бѣжати?... Коликія тмы скончашася моромъ по градомъ и по селомъ и по деревнямъ и на войнѣ? Не убояшеля всяка душа человекъча?“

Самый способъ толкованія и объясненія книгъ у Никола тотъ же, что и у защитниковъ старины: подобно имъ, чтобы какъ нибудь доказать ему желаемое, онъ произвольно вырываетъ изъ книги что либо отдѣльное, внѣ общей связи, и всячески усиливается объяснить имъ взятое въ извѣстномъ предвзятомъ смыслѣ; подобно своимъ противникамъ онъ привязывается къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, влагаетъ въ нихъ такой смыслъ, какого онѣ въ дѣйствительности не имѣютъ, и изъ своего произвольнаго и натягутаго толкованія дѣлаетъ такіе неожиданные выводы и заключенія, какіе вовсе не даются и не слѣдуютъ изъ при-

водимыхъ имъ мѣсть. Укажемъ хотя бы на слѣдующіе два примѣра. Въ Уложеніи (гл. 10, ст. 1-я) было написано: „судъ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Россіи, судить бояромъ и окольными и пр.“ По этому поводу Никонъ строго пишетъ: „отвѣщай: въ которыхъ-то правилахъ написано, что судъ великаго государя царя, а не Божій?“ Въ Уложеніи (гл. 10, ст. 21-я) было написано: „да суда же не судить и никакихъ дѣлъ въ приказѣхъ не дѣлать, опрѣчь великихъ царственныхъ дѣлъ: Въ день Рождества Христова, въ день Богоявленія, и въ иныя господскія праздники... да въ который день присѣветъ праздникъ рожденія государя и великаго князя Алексія Михайловича всея Россіи, и его благовѣрныхъ царицы и великой княгини Маріи Ильиничны и ихъ благородныхъ чадъ“. По этому поводу возмущенный Никонъ съ негодованіемъ пишетъ: „о беззаконниче и злобѣснѣйшій человѣче! Како не устыдѣлся, не утратился! И бѣси Того исповѣдаху Сына Божія и Бога, глаголаху: почто еси Сыне Божій пришелъ еси прежде времени мучити насъ; а ты—злостраднѣйшій человѣче—не исповѣда того Бога быти и Господа нашего Іисуса Христа аки проста человѣка пишетъ: въ воскресный день, въ день Рождества Христова... Не усохъ бы скверный твой языкъ изглаголати или написати: Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.—Или еще: Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, — и ниже праздникъ нарече, но день. А еже о царѣ: да въ который день присѣветъ праздникъ—день рожденія государя царя и пр. Такжеже о царицы и ихъ чадахъ,—которые праздники? которое таинство?—развѣ что любострастно и человѣческо, и во всемъ приподобилъ еси человѣка Богу, но и предпочте Богу... И которое сочетаніе свѣту ко тмѣ, по божественному апостолу, и правдѣ къ беззаконію, еже ты зломудренне предпочте день рожденія царя и царицы и чадъ ихъ, паче дней таинственныхъ — Христовыхъ, глаголю: святаго Его воскресенія, и Рождества и Богоявленія, и ниже праздники тѣхъ нарече, таинства ради“. Другой случай по поводу виньетки на книгѣ, напечатанной при Алексѣѣ Михайловичѣ. Никонъ пишетъ: „то правда, что царское величество разширился надъ церковію, чрезъ вся божественныя законы, своимъ достоинствомъ, а не закономъ коимъ либо

Божимъ, и не до сего точію ста, но и на самаго Бога возгордѣ широтою орла, еже нынѣ издаде другомъ листь, лѣга отъ воплощенія Слова Божія 1663, на немъ же есть написанъ орелъ двоеглавый, на орлѣ же царь на ковѣ, въ гордости величїи зѣло“. Никонъ сильно сокрушается, что этимъ царь поставилъ „самаго Христа Бога нашего прениже всякая своя слава—и подѣ ногами коня и орла и въ тѣспотѣ нѣкакой безславїа“. По этому случаю Никонъ сокрушенно восклицаетъ: „охъ, охъ, увы, увы, лютѣ, лютѣ, въ каковы времена достигохомъ! Збышеся писанное: измѣниша бо славу Божию въ славу человѣческую и четвероногихъ скоть и птицъ. И наки другое писаніе: возлюбиша славу человѣческую, неже славу Божию. Сего ради предасть ихъ Богъ въ страсти безчестїа, во еже творити имъ волю языческую“¹⁾.

Такимъ образомъ Никонъ не обладалъ ни особыми высокими нравственными качествами, ни особымъ умственнымъ развитіемъ, пониманіемъ и знанїями, и вообще не стоялъ во всѣхъ отношенїяхъ настолько выше своихъ современниковъ и самыхъ своихъ противниковъ, чтобы все тогдашнее русское общество безмолвно могло преклониться предъ его именемъ и авторитетомъ и безпрекословно признало его своимъ полномочнымъ безотчетнымъ руководителемъ во всѣхъ дѣлахъ своей церковно-религіозной и, въ извѣстной степени, государственно-общественной жизни. А между тѣмъ Никонъ власто заявилъ небывалыя чрезмѣрныя притязанїя на полное верховенство не только въ церкви, но и въ государствѣ, вступилъ въ открытую соблазнительную борьбу съ самимъ царемъ во имя того, что патріархъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ отношенїяхъ выше и священнѣе царя, что царь въ извѣстныхъ дѣлахъ долженъ слушаться и подчиняться патріарху, что вся государственная и общественная жизнь должны, въ извѣстныхъ отношенїяхъ, находиться подѣ постояннымъ и бдительнымъ контролемъ патріарха, причемъ эти свои притязанїя на верховенство и въ государствѣ Никонъ заявлялъ въ формѣ иногда довольно рѣзкой и обидной и для самаго государя и для всего свѣт-

¹⁾ Рукопись нашей академіи № 218, л. л. 323 и 327 об. Записки рук. археолог. общ., т. II, стр. 460 и 465.

скаго правительства. Понятно, что Никонъ долженъ былъ пасть и пасть окончательно.

Царь Алексѣй Михайловичъ до конца своей жизни жалѣлъ бывшего своего „собиннаго“ друга и всячески старался смягчить и улучшить положеніе Никона въ ссылкѣ. Умирая (29 января 1676 г.) Алексѣй Михайловичъ писалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: „отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія“. А Никонъ, узнавъ о смерти царя, своего бывшего благодѣтеля и друга, только непримиримо-мстительно заявилъ: „воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное пришествіе Господне судится имать“. И когда потомъ у него стали просить письменнаго разрѣшенія усопшему государю, онъ сказалъ, отказывая въ просьбѣ: „мы исполняемъ слово Господне: оставите и оставится вамъ“, и къ этому прибавилъ: „Богъ его простить!“ но простить самъ и дать письменное разрѣшеніе усопшему царю рѣшительно отказался: онъ, очевидно, желалъ продолжать свою борьбу съ царемъ и въ будущей жизни, желалъ состязаться съ нимъ о своихъ обидахъ на будущемъ страшномъ судилищѣ предъ лицомъ самаго Господа.

Совершенно иначе отнесся къ Никону усопшій государь Алексѣй Михайловичъ. Умирая онъ не только просилъ прощенія у Никона, но и выразилъ желаніе, чтобы Никону возвращенъ былъ отнятый у него патріаршій санъ. На это имѣются нѣкоторыя указанія. Исполнителемъ, и очень настойчивымъ, воли Алексѣя Михайловича относительно Никона, явился его сынъ царь Феодоръ Алексѣевичъ; который, вопреки всѣмъ московскимъ недоброжелателямъ и врагамъ Никона, рѣшилъ добиться его разрѣшенія у восточныхъ патріарховъ. Въ грамотѣ царя Феодора Алексѣевича къ восточнымъ патріархамъ говорится, что его отецъ, государь Алексѣй Михайловичъ, „вспоминати того (т. е. запрещенія Никона), любви ради Христовы, не благоволил“, а александрійскій патріархъ въ грамотѣ по поводу разрѣшенія Никона писалъ, что ему сообщено царскими послами: „яко сицевую боголюбезную мысль имяше и иже во блаженной памяти приснопоминаемый отецъ вашъ, великій государь царь

и самодержецъ во еже простите онаго блаженнаго (т. е. Никона) и патріаршаго званія удостоити“. На востокъ хлопотать у патріарховъ о разрѣшеніи уже умершаго Никона отправлены были послы Возницынъ и Чириковъ. Но такъ какъ просьба о разрѣшеніи Никона, по мнѣнію нашего правительства, могла встрѣтить на востокъ большія затрудненія въ виду того, что патріархамъ приходилось, разрѣшая Никона, встать въ противорѣчіе съ состоявшимся о немъ соборнымъ опредѣленіемъ, то посламъ дана была на этотъ случая особая инструкція, показывающая, что тогдашнее наше правительство уже хорошо знало, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло и какъ слѣдуетъ вести его. Въ инструкціи посламъ говорится: „а буде вселенскіе патріархи по нашимъ великаго государя грамотамъ учинить того (разрѣшить Никона) не похотятъ, и и вы-бъ, наши великіе послы, домогались о томъ у нихъ всякими мѣрами чрезъ кого возможно, и сверхъ того нашего великаго государя жалованья, которое на милостыню съ вами къ нимъ послано, дали-бъ имъ, или съ кѣмъ послали нашего великаго государя жалованье особо отъ того изъ нашея великаго государя казны, которая съ вами въ запасъ послана, или у грековъ занявъ—*по двести по пятидесяти рублевъ патріарху*, только-бъ конечно того домогаться, чтобъ они, вселенскіе патріархи, для нашего государскаго прошенія о томъ, по нашимъ великаго государя грамотамъ учинили и свои грамоты къ намъ, великому государю, съ вами, нашими великими послы, послали... *И есть-ли крѣпко и упорно станутъ и не похотятъ того учинить и, по самой конечной мѣрѣ, дать по пяти сотъ рублевъ патріарху; а буде и по тому предложенію вашему не учинятъ, и, по самой нуждѣ, дать по тысячъ рублевъ человеку, только бъ учинили и въ грамотахъ своихъ написали имянно*“. Посоль Возницынъ, прибывъ на востокъ (Чириковъ умеръ дорогою), прежде всего обратился къ Іерусалимскому патріарху Досиѳею, чтобы тотъ помогъ ему выхлопотать у патріарховъ разрѣшеніе Никону. Досиѳей охотно взялся устроить это дѣло и говорилъ послу, чтобъ онъ „всѣ тѣ дѣла положилъ на него, патріарха“. Дѣйствительно, вскорѣ самъ Досиѳей, а также и антиохійскій патріархъ, вручили послу свои разрѣшительныя грамоты, вовсе не требуя отъ него какой-либо особой приплаты сверхъ той дачи, какую имъ вручилъ за это посоль. Не то

было съ патріархами константинопольскимъ и александрійскимъ. Они рѣшились воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы возможно больше получить съ русскихъ за свою услугу, и потому никакъ не соглашались выдать разрѣшительныя грамоты за ту дачу, какую имъ предлагалъ посоль, а требовали гораздо большей. „По вашему, великаго государя, указу, доносилъ Возницынъ, я, холопъ твой, у святѣйшихъ патріарховъ у антиохійскаго и іерусалимскаго святѣйшему Никону патріарху прощальныя и разрѣшительныя грамоты взялъ, а цареградскій, государь, и александрійскій патріархи, хотя, чтобы я, холопъ твой, отъ того далъ имъ дачу большую, по се число своихъ грамотъ не отдають, только государь, какъ ни есть, прося у Бога милости, и у нихъ возьму, и придетъ то ваше, великаго государя, дѣло у меня, холопа твоего, по вашему государскому изволенію въ совершениіе“. И дѣйствительно настойчивый посоль достигъ своей цѣли—получилъ отъ всѣхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты Никону, не давъ при этомъ ни одному изъ нихъ великой дачи. Съ нескрываемымъ торжествомъ Возницынъ доносилъ государю, что онъ добылъ отъ всѣхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты, „а учинилъ онъ то неуслышнымъ своимъ промысломъ и радѣніемъ, *безъ великихъ дачъ*, а велѣно было отъ того дать и многую дачу и о совершеніи того дѣла радѣть *накрѣпко*“. Сколько каждый патріархъ получилъ за разрѣшительныя грамоты Никону и во сколько вообще все это дѣло обошлось нашему правительству, видно изъ слѣдующаго дописанія Возницына: „а за тѣ грамоты далъ онъ, Прокофей, цареградскому да іерусалимскому патріарху *по триста талеровъ*, а александрійскому Прохору *сто пятьдесятъ талеровъ*, антиохійскому—*сто талеровъ*. Да самъ онъ, Прокофей, поднесъ имъ патріархамъ: цареградскому, александрійскому, іерусалимскому, при отъѣздѣ своемъ изъ Царяграда, за гѣжъ великаго государя и за иныя дѣла *по пятидесяти золотыхъ червонныхъ*; да на соборы ихъ: на царегородскій, на александрійскій, на іерусалимскій, на антиохійскій *по двадцати золотыхъ*, а митрополитомъ дано собольми, а тотъ расходъ писанъ въ соболинной раздачѣ“. Именно дано было: цареградскому логовету пара собольей *въ 12 рублей*, „потому что безъ него никакія дѣла не дѣлаются“; митрополитамъ, бывшимъ на соборъ по

поводу разрѣшенія Никона, дано: двумъ по парѣ соболей въ 15 рублей, двумъ по парѣ въ 16 рублей и тремъ по парѣ въ 10 рублей. Послу пришлось еще дать плату и прежнему антиохійскому патріарху, который, не вѣдая своей смѣны и того, что новый патріархъ уже далъ свою разрѣшительную грамоту Никону, вручилъ послу и отъ себя такую же грамоту, за что и получилъ сто талеровъ и 10 золотыхъ ¹⁾.

Такъ Никонъ, хотя и послѣ своей смерти, благодаря желанію царя Алексѣя Михайловича, и благодаря энергичнымъ хлопотамъ предъ восточными патріархами его сына—царя Феодора Алексѣевича, былъ возстановленъ въ своемъ патріаршемъ достоинствѣ.

Н. Кантревъ.

¹⁾ Турецкіе статейные списки (въ Большомъ моск. архивѣ министерства иностр. дѣлъ) № 20, л. л. 382, 385, 386, 574, об., 720, 731. № 21, л. л. 120, 121, 219 и 224.